Львов - Анохин Борис

04.02.98

-с.10

Борис Львов-Анохин: на спектаклях Мариинского балета мне не нужен спасательный круг

Московские гастроли балета Мариинского театра в зените. Зал Большого театра набит до отказа. Самое оживленное и неспокойное его место — сектор прессы. Чуть в стороне — убеленные сединами мэтры отечественной критики. Балетный критик БОРИС ЛЬВОВ-АНОХИН комментирует для «Русского Телеграфа» ход гастролей Мариинского балета

— Раньше вы часто бывали в Петербурге и много времени проводили в Мариинском театре.

— Я очень рад его приезду в Москву и должен сказать, что первые мои серьезные балетные впечатления связаны именно с Мариинским театром. Хотя я москвич, я учился в Ленинграде и в студенческие годы часто бывал в Мариинском театре. Я помню Чабукиани и Шелест в «Баядерке» — это абсолютно незабываемое зрелище. Или Уланову, которая с Шелест танцевала «Жизель» и «Бахчисарайский фонтан» — это тоже ни с чем не сравнимо; или дуэт Дудинской с Сергеевым в «Золушке». Я помню характерных танцовщиков Генслер, Заботкину, Бельского, Сапогова. Позже, когда я писал книгу о Шелест, я часто приезжал из Москвы и был почти на всех премьерах: «Каменного цветка» и «Легенды» Григоровича с Колпаковой, Осипенко, Гридиным — это было потрясающе! Я никогда не забуду выступления молодого Нуреева с Дудинской и Шелест и премьеру «Сотворения мира» с Соловьевым и Барышниковым. Это был театр абсолютно волшебных индивидуальностей и образцового танца, театр замечательной школы, которая ощущалась во всем: от балерин до кордебалета.

— То, что вы видите сейчас в Москве — похоже это на тот Кировский театр? Имеет ли сегодняшняя труппа к той легенде отношение?

— Да, имеет. Несомненно. 1 февраля я смотрел «Баядерку» с неослабным и почти восхищенным вниманием. Мне кажется, что здесь и кордебалет, и отдельные вариации, и исполнение главной партии Ульяной Лопаткиной — все слилось в великолепное целое. Сразу отмечу, что эта «Баядерка» представляется мне образцом сохранения классики. Меня трогает вся так называемая «архаика» этого спектакля, которая определяет изысканнейший его стиль. Я обожаю бутафорского слона, попугаев в руках кордебалетных альмей. Совершенно замечательные пантомимные объяснения и диалоги: Брамина с Раджой, Никии с Гамзатти — вероятно, они могут кого-то раздражать, но меня приводят в полный восторг. А сохраненные декорации? — эта тщательная перспективная живопись старой школы — это уникальная музейная ценность, на которую смотришь в абсолютном восхищении. Не говоря уже о гениальном, никем не превзойденном акте «Теней»...

— В последнее время стрелы критики летят именно в общий план Мариинского балета: говорят, старье, нет кордебалета, просели корифейки...

— Не знаю, во всяком случае, в том, что я видел — кордебалет был вполне на высоте, вариации в «Тенях» — прекрасны. А если вспомнить «Дон Кихота», то замечательной была вариация Повелительницы дриад в исполнении Светланы Захаровой. Так что ощущения упадка культуры нет никакого. Конечно, если смотреть в микроскоп, в «Лебедином» кордебалет может казаться слабее, чем в «Баядерке». Это можно объяснить премьерой, неосвоенной сценой, а можно объяснить тем, что все зрительское внимание, абсолютный творческий интерес концентрировала Ульяна Лопаткина. Ее лирическое величие, внутренняя ритмическая неспешность, почти религиозный ритуал, какой-то ненамеренный масштаб, который возникает из всех ее движений, — это вещи необыкновенно редкие в наши дни. Никакого расчета на публику! Танцует для себя и про себя, нигде не заискивая и не желая выжать аплодисменты. И чем меньше она на это работает, тем более восторженную реакцию публики получает. И все же, что касается «Лебединого», меня поразил — в дурном смысле — тусклый характерный танец. Если кризис характерного танца в Большом театре закономерен — Григорович поднимал его на пуанты, культура характерного танца не поощрялась и так далее, — то меня удивило его малоинтересное исполнение в Мариинском.

— Какие проблемы?

— Технические, стилистические, исполнительские. При том, что хореографические тексты танцев сохранены бережно, исполнены они неинтересно. И это печально, потому что замечательные характерные танцовщики были не только в Большом театре, но и в Мариинском. Это огромный пласт культуры именно русского балета и то, что он исчезает на глазах, — тревожно. Я не знаю, почему это так: может, нет репетиторов, может, изъяны нужно искать в школе. В «Дон Кихоте» с характерным танцем дело обстояло лучше, но тоже не безупречно: я не могу сказать, что они определили темперамент и тонус спектакля. Кстати, замечательно, что в «Дон Кихоте» театр сохраняет декорации Головина и Коровина. Первая картина Головина — это просто замечательно.

— Я слышал от молодых балетных критиков много язвительных реплик как раз по поводу первой картины «Дон Кихота». Что это такое — аберрация зрения, смещение художественных координат?

— Просто недостаток культуры — больше ничего. Не оценить эту сценическую живопись может только человек, не имеющий вкуса, потерявший или никогда не имевший глаза. А потом, что они могут противопоставить этому? Я понимаю, что эти декорации нельзя подвесить в балете Ноймайера. Но если «Дон Кихот» идет так, как он идет, возобновленный по мере возможности в старой хореографии, — то это наилучший вариант.

— Вернемся к «Лебединому». Большой театр забыл версию Горского, отставил в сторону (и, похоже, окончательно) редакцию Григоровича. Большой — театр модернизаций, бесконечных переделок, обновлений, как и сам город Москва. Мариинский театр дал «Лебединое» в версии Сергеева 1950 года. Вам она не кажется устаревшей?

— Пока не придет действительно большой балетмейстер, который сможет модернизировать «Лебединое», я, право, не знаю, что с ним делать. В 1969 году Григоровичу не дали довести дело до конца, испортили последний акт. Но его версия имела смысл, это была работа большого художника. Он выдвинул концепцию, с ней можно было соглашаться или нет, но она была. И в ней незыблемым оставался акт Льва Иванова. Что касается редакции Сергеева, первая картина не только у него, но и вообще нигде не бывает особенно интересной...

— Все томятся в ожидании балерины...

— И тем не менее в этот раз она меня не раздражала — хорошая салонная стилизация. Все тактично, романтично и так далее. С «лебединой» картиной все ясно. С «черным» актом тоже все в порядке, за исключением качества исполнения характерной сюиты. Самые большие проблемы, как всегда, с финальной картиной. До появления Лебедя, которое хорошо делает Лопаткина, смотреть это скучно. И потом, этот поединок Зигфрида с Ротбартом — когда-то это смотрелось нормально, сегодня — немного наивно.

— Но вы не возражаете против архаики «Баядерки»?

— Там это вопрос колорита.

— Хорошо, в Петербурге нет настоящего хореографа, большого художника (в Москве, судя по тому, что Горского поменяли сначала на Григоровича, а теперь на Васильева — они были всегда), но есть неудачная версия Сергеева. Что с ней делать — консервировать?

— А какой другой выход? Что можно советовать, к примеру, Большому театру, у которого нет сегодня настоящей прима-балерины? Что можно советовать Мариинскому театру, не имеющему сегодня настоящего балетмейстера, который мог бы противопоставить что-то этой версии? — Набраться терпения!

— Давайте вернемся к «крупному» плану. Вы видели Шелест, Дудинскую, Вечеслову, Макарову, Осипенко. Сегодняшние девушки имеют к ним какое-то отношение? Являются ли они продуктом и результатом движения петербургского балета?

— Мне кажется, да. Мне пока сложно говорить о Захаровой — я видел ее только в одной вариации. И, конечно, давно у меня не было такого крупного впечатления, как от Лопаткиной. Давно не было такого ощущения масштаба, ощущения личности, заявленной в танце. Я не могу и не хочу сравнивать ее с предшественницами, с Шелест, Дудинской, Вечесловой, еще кем-то — они неповторимы. Но хочу сказать: я причисляю себя к счастливым зрителям — я видел Уланову, Дудинскую, Шелест, затем поколение Осипенко, Макаровой, Колпаковой. И когда я сегодня вижу Лопаткину, Вишневу и, вероятно, Захарову, я понимаю, простите за сентиментальность, что счастье продлилось.

— Кстати, о Захаровой: вас не смутил ее некоторый акробатизм?

— Какой акробатизм? Вы имеете в виду вариацию Повелительницы дриад? Там у нее прекрасное «экарте». В чем акробатика? В том, что это «экарте» у нее звучит замечательно. А делает все это Захарова музыкально, чисто по форме. Эта вариация была по-хорошему эффектна и, главное, сделана с абсолютной убежденностью и увлечением. Это не акробатизм, скорее темперамент. Акробатизм — это когда ломается классическая форма. Пока эта форма не ломается. Посмотрим, что будет в «Жизели». Там дело посложнее. Теперь о Диане Вишневой. Конечно, спектакль на спектакль не приходится, и в этот раз очаровательной Вишневой не хватило подъема, душевного

ДМИТРИЙ КУЛИКОВ

Ульяна Лопаткина и Игорь Зеленский

брио, хотя танцевала она прекрасно. Лучшие фрагменты спектакля — вариации с кастаньетами в первом акте и вариация с веером в финале. Но, повторяю, ей не хватало внутреннего масштаба, того, чтобы она подчинила себе зал, не хватило балеринской хватки, властности, которая нужна в «Дон Кихоте». Я жду ее выход в балете Роббинса. Некоторое время назад она была там замечательна... Знаете, мне совершенно не хочется делать этим балеринам замечания.

— Кстати, Лопаткиной часто инкриминируют расчетливость, аналитизм — особенно в Москве, привыкшей к эмоциям и накалу. Вы согласны?

— Нет. Это не расчетливость, это высокое благородство и аристократизм. Иногда в финале «Лебединого» думаешь: чуть больше тревоги... Ничего подобного... Я не хочу параллелей, но и про Шелест говорили, что она холодна. Это достоинство, это масштаб, это отмена частностей. Даже отсутствие подачи виртуозности расценивается как отсутствие темперамента, что тоже совсем не так. Уланова делала замедленные фуэте, пируэты, что гораздо сложнее. И потом эти темпы у Лопаткиной чрезвычайно насыщены. А танец со змеей в «Баядерке» — разве здесь холодность? Просто она не рвет кулисы — и слава Богу...

— Мариинский театр принято называть балеринским и говорить о слабости мужского танца. В Москве развернулось драматическое противостояние Игоря Зеленского с залом Большого театра. Психологическая подоплека проста: «у них» — балерины, «у нас» — танцовщики. Все с этим вроде бы смирились. Но вот, «у них» появляется кто-то, кто откровенно заявляет: танцовщик — это я. Дальше следует реакция раздраженного зала...

— Постараюсь быть объективным. Да, в «Лебедином озере» он мне понравился меньше. Ему не хватило элегантности, романтизма. В «Баядерке» он гораздо убедительней, отсюда кажется, что и танцевал лучше. Он танцовщик, обладающий незаурядными данными. Он прекрасный партнер, у него прекрасный прыжок, к тому же он обладает «баллоном», что большая редкость; волевой энергичный напор в танце. В «Баядерке» это подходит больше, чем в «Лебедином». Но все это частности, он танцовщик, обладающий незаурядными профессиональными качествами...

— И для завершения: Мариинский балет — это тонущий корабль?

— У меня такого ощущения нет. Во всяком случае, на спектаклях мне спрыгнуть с этого корабля и попросить спасательный круг не хотелось. Хотя часто в театре мне хочется закричать: остановите, я хочу сойти.